

Н. Гоголь

НАРОДНОЕ
ИЗДАНИЕ

НАСЛѢДНИКОВЪ

БРАТЯВЪ

САЛАЕВЫХЪ

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

Носъ

ТАРАСЪ БУЛЬБА

РЕВИЗОРЪ

НОВЫЕ РОЖДЕ

ВЕЧЕРЬ НАКАНУНѢ ИВАНА КУ

ТРАШНАЯ МЕСТЬ

ПРОЦВѢТЪ ГРАМОТЫ

ШИНЕЛЬ

ВѢ

КОЛЯСКИ

НОЧЬ ПРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ.

МОСКВА.

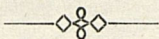
Цѣна 20 коп.

24
684

Н. Гоголь.

НОЧЬ ПРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ.

НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БРАТЪЕВЪ САЛАЕВЫХЪ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Арбатъ, д. Платонова.

1887.

Дозволено Цензурою. Москва, 22-го мая 1887 года.

2007085179

НОЧЬ ПРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ.

ослѣдній день предъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа *). Морозило сильнѣе, чѣмъ съ утра; но за то такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа

*) Колядовать въ Малороссіи называется пѣть подъ окнами наканунѣ Рождества пѣсни, которыя называются колядками. Тому, кто колядуетъ, всегда кинетъ въ мѣшокъ хозяйка или хозяинъ, или кто остается дома, колбасу или хлѣбъ, или мѣдный грошъ, чѣмъ кто богатъ. Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коляда, котораго принимали за бога, и что будто оттого пошли колядки. Кто это

парубковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ бы вызывая принаряживавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу, и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если бы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками*), съ дьявольски сплетенною плетью, которою онъ имѣетъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ, вѣрно бы, примѣтилъ ее, потому что отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна, и что именно изъ своего платья и хозяйства заложить добрый человѣкъ въ воскресный день въ шинкѣ. Но сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ, да и какое ему дѣло до чужихъ, — у него своя волость! А вѣдьма между тѣмъ поднялась такъ высоко, что однимъ только чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три или четыре еще блестѣли.

знаетъ? Не намъ, простымъ людямъ, объ этомъ толковать. Прошлый годъ отецъ Осипъ запретилъ было колядовать по хуторамъ, говоря, что будто этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однакожъ, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про Рождество Христа, а при концѣ желаютъ здоровья хозяину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому.

*) Мерлушками.

Вдругъ съ противной стороны показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ *); узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пяточкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ яресковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ казачкѣ **). Но за то сзади онъ былъ настоящій губернский стряпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернский стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу.

Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку схватить его; но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожъ, несмотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схва-

*) Нѣмцемъ называютъ у насъ всякаго, кто только изъ чужой земли, хоть будь онъ французъ, или цесарецъ, или шведъ, — все нѣмецъ.

**) Малороссійская пляска.

тилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ, кривляясь и дуя, перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огня для своей люльки *); наконецъ поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, побѣжалъ далѣе.

Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Правда, волостной писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ того ни съ сего, танцевалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какая же была причина рѣшиться чорту на такое беззаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый казакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутю, гдѣ будутъ: голова, прѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой родичъ дьяка, въ синемъ сертукѣ, бравшій самаго низкаго баса, казакъ Свербигузъ и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ кутьи, будетъ варенуха, перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстнаго.

А между тѣмъ его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и дѣтина хоть куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣлъ время кузнецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ околоткѣ. Самъ еще тогда здравствовавшій сотникъ Л...ко вызвалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить дощатый заборъ около своего дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканьскіе казаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человѣкъ и писалъ часто образа святыхъ, и теперь еще можно найти въ Т... церкви его евангелиста Луку. Но тор-

*) Трубка.

жествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ святого Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злого духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ-нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяцъ, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ на подъемъ, къ дьяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ мимо мельницъ, мимо кладбища, огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоенная на шафранѣ, могла бы заманить Чуба; но въ такую темноту врядъ ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится итти къ дочкѣ, несмотря на свою силу.

Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дьяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ,

подтѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептываютъ всему женскому роду.

Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что ни живетъ въ немъ, все силится перенимать и перездразнивать одинъ другого. Прежде бывало въ Миргородѣ одинъ судья да городничій хаживали зимою въ крытыхъ сукномъ тулупахъ, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные: теперь же и за сѣдатель, и подкоморій отсмолили себѣ новыя шубы изъ рѣшетилловскихъ смушекъ съ суконною покрывкою. Канцеляристъ и волостной писарь третьяго году взяли синей китайки по шести гривенъ аршинъ. Пономарь сдѣлалъ себѣ нанковыя на лѣто шаровары и жилетъ изъ полосатаго гаруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Когда эти люди не будутъ суетны! Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ туда же. Досаднѣе всего то, что онъ, вѣрно, воображаетъ себя красавцемъ, между тѣмъ какъ фигура — взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Ома Григорьевичъ, мерзость-мерзостью, однакожъ и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что ничего нельзя уже было видѣть, что происходило далѣе между ними.

— Такъ ты, кумъ, еще не былъ у дьяка въ новой хатѣ? говорилъ казакъ Чубъ, выходя изъ дверей своей избы, сухощавому, высокому, въ короткомъ тулупѣ мужику съ обросшею бородою, показывавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломкомъ косы, которымъ обыкновенно мужики бреютъ свою бороду, за неимѣніемъ бритвы. — Тамъ теперь будетъ добрая попойка! продолжалъ Чубъ, осклабивъ

при этомъ свое лицо. — Какъ бы только намъ не опоздать.

При семъ Чубъ поправилъ свой поясъ, перехватывавшій плотно его тулупъ, нахлобучилъ крѣпче свою шапку, стиснулъ въ рукѣ кнутъ — страхъ и грозу докучливыхъ собакъ; но, взглянувъ вверхъ, остановился... — Что за дьяволъ! Смотри! смотри, Панасъ!...

— Что? произнесъ кумъ и поднялъ свою голову также вверхъ.

— Какъ, что? — Мѣсяца нѣтъ!

— Что за пропасть! Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ мѣсяца.

— То-то, что нѣтъ! выговорилъ Чубъ съ нѣкоторою досадою на неизмѣнное равнодушіе кума. — Тебѣ, небось, и нужды нѣтъ.

— А чтѣ мнѣ дѣлать?

— Надобно же было, — продолжалъ Чубъ, утирая рукавомъ усы, — какому-то дьяволу, чтобъ ему не довелось, собакѣ, поутру рюмки водки выпить, вмѣшаться!... Право, какъ-будто на смѣхъ... Нарочно, сидѣвши въ хатѣ, глядѣлъ въ окно: ночь — чудо! Свѣтло, снѣгъ блестеть при мѣсяцѣ; все было видно, какъ днемъ. Не успѣлъ выйти за дверь, и вотъ, хотъ глазъ выколи!

Чубъ долго еще ворчалъ и бранился, а между тѣмъ въ то же время раздумывалъ, на что бы рѣшиться. Ему до смерти хотѣлось покалѣкать о всякомъ вздорѣ у дьяка, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сидитъ уже и голова, и пріѣзжій бась, и дегтярь Микита, ѣздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія шутки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху. Уже видѣлъ Чубъ мысленно стоявшую на столѣ варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напо-

мнила ему о той лѣни, которая такъ мила всѣмъ казакамъ. Какъ бы хорошо теперь лежать, поджавши подъ себя ноги, на лежанкѣ, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и пѣсни веселыхъ парубковъ и дѣвушекъ, толпящихся кучами подъ окнами! Онъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшился на послѣднее, если бы былъ одинъ; но теперь обоимъ не такъ скучно и страшно итти темною ночью, да и не хотѣлось-таки показаться передъ другими лѣнивымъ или трусливымъ. Окончивши побранки, обратился онъ снова къ куму.

— Такъ нѣтъ, кумъ, мѣсяца?

— Нѣтъ,

— Чудно право! А дай понюхать табаку. У тебя, кумъ, славный табакъ! Гдѣ ты берешь его?

— Кой чортъ, славный! отвѣчалъ кумъ, закрывая берестовую тавлинку*), исколотую узорами: — старая курица не чихнетъ!

— Я помню, — продолжалъ все такъ же Чубъ: — мнѣ покойный шинкаръ Зузуля разъ привезъ табаку изъ Нѣжина. Эхъ, табакъ былъ! добрый табакъ былъ! Такъ что же, кумъ, какъ намъ быть? вѣдь темно на дворѣ.

— Такъ, пожалуй, останемся дома, произнесъ кумъ, ухватясь за ручку двери.

Если бы кумъ не сказалъ этого, то Чубъ вѣрно бы рѣшился остаться; но теперь его какъ будто что-то дергало итти наперекоръ.

— Нѣтъ, кумъ, пойдемъ! нельзя, нужно итти!

Сказавши это, онъ уже и досадовалъ на себя, что сказалъ. Ему было очень непріятно тащиться въ такую ночь, но его утѣшало то, что самъ нарочно этого захотѣлъ и сдѣлалъ-таки не такъ, какъ ему совѣтовали.

*) Табакерка.

Кумъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго движенія досады, какъ человѣкъ, которому рѣшительно все равно, сидѣть ли дома или тащиться изъ дому, осмотрѣлся, почесалъ палочкой батога*) свои плечи, — и два кума отправились въ дорогу.

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ, оставшись одна, красавица-дочка. Оксанѣ не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Парубки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица. Если бъ она ходила не въ плахтѣ**) и запаскѣ, а въ какомъ-нибудь

*) Кнутъ.

**) Родъ юбки.

капотѣ, то разогнала бы всѣхъ своихъ дѣвокъ. Парубки гонялись за нею толпами; но, потерявши терпѣніе, оставляли мало-по-малу и обращались къ другимъ, не такъ избалованнымъ. Одинъ только кузнецъ былъ упрямъ и не оставлялъ своего волокитства, несмотря на то, что и съ нимъ поступали ничуть не лучше, чѣмъ съ другими. По выходѣ отца своего, Оксана долго еще принаряжалась и жеманилась передъ небольшимъ, въ оловянныхъ рамкахъ, зеркаломъ и не могла налюбоваться собою.

— Что людямъ вздумалось разславлять, будто я хороша? говорила она, какъ бы разсѣяннo, для того только, чтобы о чемъ-нибудь поболтать съ собою. — Лгутъ люди, я совсѣмъ не хороша!

Но мелькнувшее въ зеркалѣ свѣжее, живое, въ дѣтской юности лицо съ блестящими черными глазами и невыразимо пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу, вдругъ доказало противное.

— Развѣ черныя брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — такъ хороши, что уже равныхъ имъ нѣтъ и на свѣтѣ? Что тутъ хорошаго въ этомъ вздернутомъ кверху носѣ, и въ щекахъ, и въ губахъ? Будто хороши мои черныя косы? Ухъ, ихъ можно испугаться вечеромъ: онѣ, какъ длинныя змѣи, перевились и обвились вокругъ моей головы. Я вижу теперь, что я совсѣмъ не хороша! и, отодвигая нѣсколько подалѣе отъ себя зеркало, вскрикнула: — Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя. Онъ зацѣлуетъ меня на смерть.

— Чудная дѣвка! прошепталъ вошедшій тихо кузнецъ: — и хвастовства у нея мало! Съ часъ стоитъ, глядясь въ зеркало, и не наглядится, и еще хвалитъ себя вслухъ!

— Да, парубки! вамъ ли чета я? Вы поглядите на меня, продолжала хорошенькая кокетка: — какъ я плавно выступаю; у меня сорочка шита краснымъ шелкомъ. А какія ленты на головѣ! Вамъ вѣкъ не увидать богаче галуна! Все это накупилъ мнѣ отецъ мой, для того чтобы на мнѣ женился самый лучшій молодецъ на свѣтѣ. — И, усмѣхнувшись, поворотилась она въ другую сторону и увидѣла кузнеца... Вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.

Кузнецъ и руки опустилъ.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это такъ смѣшалось и такъ было неизобразимо хорошо, что расцѣловать ее миллионъ разъ — вотъ все, что можно было сдѣлать тогда наилучшаго.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? такъ начала говорить Оксана: — Развѣ хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы всѣ мастера подѣвзжать къ намъ. Въ мигъ пронюхаете, когда отцовъ нѣтъ дома. О, я знаю васъ! Что, сундукъ мой готовъ?

— Будетъ готовъ, мое серденько, послѣ праздника будетъ готовъ. Если бы ты знала сколько возился около него: двѣ ночи не выходилъ изъ кузницы; зато ни у одной поповны не будетъ такого сундука. Желѣзо на оковку положилъ такое, какого не клалъ въ сотникову таратайку, когда ходилъ на работу въ Полтаву. А какъ будетъ расписанъ! Хоть весь околотокъ выходи своими бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будутъ раскиданы красные и синіе цвѣты. Горѣть будетъ, какъ жаръ. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядѣть на тебя?

— Кто жъ тебѣ запрещаетъ? Говори и гляди!

Тутъ сѣла она на лавку и снова взглянула въ зеркало и стала поправлять на головѣ свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелкомъ, и тонкое чувство самодовольствія выразилось на устахъ, на свѣжихъ ланитахъ, и отсвѣтилось въ очахъ.

— Позволь и мнѣ сѣсть возлѣ тебя! сказалъ кузнецъ.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя въ устахъ и въ довольныхъ очахъ то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцѣловать тебя! произнесъ ободренный кузнецъ и прижалъ ее къ себѣ, въ намѣреніи схватить поцѣлуй.

Но Оксана отклонила свои щеки, находившіяся уже на непримѣтномъ разстояніи отъ губъ кузнеца, и оттолкнула его.

— Чего тебѣ еще хочется? Ему, когда медь, такъ и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче желѣза. Да и самъ ты пахнешь дымомъ. Я думаю, меня всю обмаралъ сажею.

Тутъ она поднесла зеркало и снова начала передъ нимъ охорашиваться.

«Не любить она меня!» думалъ про себя, повѣся голову, кузнецъ. «Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея. И все бы стоялъ передъ нею, и вѣкъ бы не сводилъ съ нея очей! Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любить. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любитъ сама собою; мучитъ меня бѣднаго; а я за грустью не вижу свѣта, а я ее такъ люблю, какъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не любилъ и не будетъ никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать вѣдьма? произнесла

Оксана и засмѣялась, и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо встрепенувшихся жилахъ, и со всѣмъ тѣмъ, досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо.

— Что мнѣ до матери? ты у меня мать, и отецъ, и все, что ни есть дорогого на свѣтѣ. Если бы меня призвалъ царь и сказалъ: «Кузнецъ Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу», сказалъ бы я царю, «ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни твоего царства: дай лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отецъ мой самъ не промахъ. Увидишь, когда онъ не женится на твоей матери! проговорила, лукаво усмѣхнувшись, Оксана. — Однакожъ дивчата не приходятъ... Чтобъ это значило? Давно уже пора колядовать, мнѣ становится скучно.

— Богъ съ ними, моя красавица!

— Какъ бы не такъ! Съ ними, вѣрно, придутъ парубки. Тутъ-то пойдутъ бѣлы. Воображаю, какихъ наговорятъ смѣшныхъ исторій!

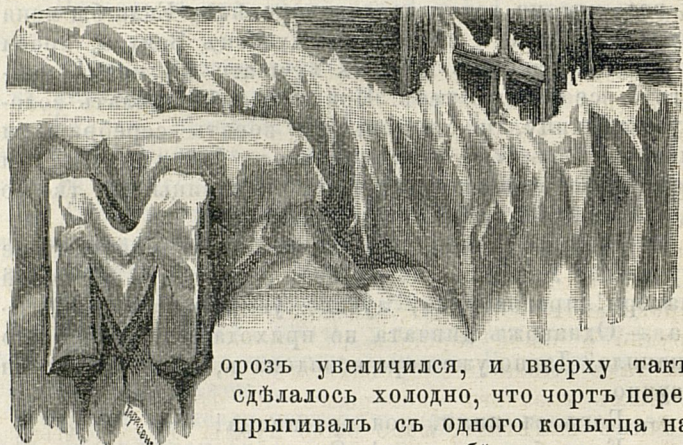
— Такъ тебѣ весело съ ними?

— Да ужъ веселѣе, чѣмъ съ тобою. А, кто-то стукнулъ; вѣрно, дивчата съ парубками.

«Чего мнѣ больше ждатель?» говорилъ самъ съ собою кузнецъ. «Она издѣвается надо мною. Ей я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова. Но если жъ такъ, не достанется по крайней мѣрѣ другому посмѣяться надо мною. Пусть только я навѣрное замѣчу, кто ей нравится болѣе меня, я отучу...»

Стукъ въ двери и рѣзко зазвучавшій на морозѣ голосъ: «отвори!» прервалъ его размышленія.

— Пстой; я самъ отворю, сказалъ кузнецъ и вышелъ въ сѣни, въ намѣреніи отломать съ досады бока первому попавшемуся человѣку.

Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Не мудрено, однакожъ, и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ самомъ дѣлѣ кухмистеръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на Рождество колбасу.

Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ, летящій на конькахъ,

не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, опустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горѣ, и прямо въ трубу.

Чортъ такимъ же порядкомъ отправился всѣмъ за нею. Но такъ какъ это животное проворнѣе всякаго франта въ чулкахъ, то не мудрено, что онъ наѣхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула въ хату гостей; но увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшковъ, которые лежали посреди хаты, вышла изъ печки, скинула теплый кожухъ, оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она минуту назадъ ѣздила на метлѣ.

Мать кузнеца Вакулы имѣла отъ роду не больше сорока лѣтъ. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею въ такіе годы. Однакожъ она такъ умѣла причаровать къ себѣ самыхъ степныхъ казаковъ (которымъ, не мѣшаетъ между прочимъ замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома), и казакъ Корній Чубъ, и казакъ Касьянъ Свербигузь. И, къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что у него есть соперникъ. Шелъ ли набожный мужикъ, или дворянинъ, какъ называютъ себя казаки, одѣтый въ кобенякъ съ видлѣгою *), въ воскресенье въ церковь, или, если дурная погода, въ шинокъ, — какъ не зайти къ Солохѣ, не поѣсть жирныхъ со сметаною варениковъ и не поболтать

*) Свитка съ большимъ воротомъ.

въ теплой избѣ съ говорливой и угодливой хозяйкой? И дворянинъ нарочно для этого давалъ большой крюкъ, прежде чѣмъ достигалъ шинка, и называлъ это — заходить по дорогѣ. А пойдетъ ли бывало Солоха, въ праздникъ, въ церковь, надѣвши яркую плахту съ китайчатою запаскою, а сверхъ ея синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станетъ прямо близъ праваго крылоса, то дьякъ уже вѣрно закашливался и прищуривалъ невольно въ ту сторону глаза, голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселедецъ *) и говорилъ стоявшему близъ него сосѣду: «Эхъ, добрая баба! чортъ-баба!» Солоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному.

Но охотникъ мѣшаться въ чужія дѣла тотчасъ бы замѣтилъ, что Солоха была привѣтливѣе всего съ казакѣмъ Чубомъ. Чубъ былъ вдовъ; восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатою. Двѣ пары дюжихъ воловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ плетенаго сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму — корову, или дядю — толстаго быка. Бородатый козелъ взбирался на самую крышу и дребезжалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій, дразня выступавшихъ по двору индѣекъ и оборачиваясь задомъ, когда завидывалъ своихъ непріятелей, мальчишекъ, издѣвавшихся надъ его бородою. Въ сундукахъ у Чуба водилось много полотна, жупановъ **) и старинныхъ кунтушей ***) съ золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. Въ огородѣ, кромѣ маку, капусты, подсолнечниковъ, засѣвалось еще каждый годъ двѣ гряды табаку. Все это

*) Длинный клокъ волосъ на головѣ.

**) Кафтанъ.

***) Верхнее платье.

Солоха находила не лишнимъ присоединить къ своему хозяйству, заранѣе размышляя о томъ, какой оно приметъ порядокъ, когда перейдетъ въ ея руки, и удвоила благосклонность къ старому Чубу. А чтобы, какимъ-нибудь образомъ, сынъ ея Вакула не подѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себѣ, и тогда бы, навѣрно, не допустилъ ея мѣшаться ни во что, она прибѣгнула къ обыкновенному средству всѣхъ сороколѣтнихъ кумушекъ — ссорить какъ можно чаще Чуба съ кузнецомъ. Можетъ быть, эти самыя хитрости и смѣтливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали гдѣ-нибудь на веселой сходкѣ лишнее, что Солоха точно вѣдьма, что парубокъ Кизяколупенко видѣлъ у нея сзади хвостъ, величиною не болѣе бабьяго веретена, что она еще въ позапрошлый четвергъ черною кошкою перебѣжала дорогу, что къ попадѣ разъ прибѣжала свинья, закричала пѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ.

Случилось, что тогда, когда старушки толковали объ этомъ, пришелъ какой-то коровій пастухъ Тымишъ Коростявый. Онъ не преминулъ рассказать, какъ лѣтомъ, предъ самыми Петровками, когда онъ легъ спать въ хлѣву, подмостивши подъ голову солону, видѣлъ собственными глазами, что вѣдьма, съ распущенною косою, въ одной рубашкѣ, начала доить коровъ, а онъ не могъ пошевелинуться — такъ былъ околдованъ, и помазала его губы чѣмъ-то такимъ гадкимъ, что онъ плевалъ послѣ того цѣлый день.

Но все это что-то сомнительно, потому что одинъ только сорочинскій засѣдатель можетъ увидѣть вѣдьму, и оттого всѣ именитые казаки махали руками, когда слышали такія рѣчи. «Брешутъ, сучи бабы!» бывалъ обыкновенный отвѣтъ ихъ.

Вылѣзши изъ печки и оправившись, Солоха, какъ добрая хозяйка, начала убирать и ставить все къ своему мѣсту; но мѣшковъ не тронула: это Вакула принесъ, пусть же самъ и вынесетъ. Чортъ, между тѣмъ, когда еще влеталъ въ трубу, какъ-то нечаянно оборотившись, увидѣлъ Чуба, объ руку съ кумомъ, уже далеко отъ избы. Вмигъ вылетѣлъ онъ изъ печки, перебѣжалъ имъ дорогу и началъ разрывать со всѣхъ сторонъ кучи замерзшаго снѣгу. Поднялась метель. Въ воздухѣ забѣлѣло. Снѣгъ метался взадъ и впередъ съ тѣю и угрожалъ залѣпить глаза, ротъ и уши пѣшеходамъ. А чортъ улетѣлъ снова въ трубу, въ твердой увѣренности, что Чубъ возвратится вмѣстѣ съ кумомъ назадъ, застанетъ кузнеца и отпочуетъ его такъ, что онъ долго будетъ не въ силахъ взять въ руки кисть и малевать обидныя карикатуры.

В

самомъдѣлѣ,
едва только
поднялась

метель, и вѣтеръ сталъ рѣзать прямо въ глаза, какъ Чубъ уже изъявилъ раскаяніе и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи*), угощалъ побранками себя, чорта и кума. Впрочемъ, эта досада была притворная. Чубъ очень радъ былъ поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось въ восемь разъ больше того разстоянія, которое они прошли. Путешественники по-

*) Шапка съ наушниками.

воротили назадъ. Вѣтеръ дулъ въ затылокъ, но сквозь метущій снѣгъ ничего не было видно.

— Стой, кумъ! мы, кажется не туда идемъ, сказалъ, немного отошедши, Чубъ: — я не вижу ни одной хаты. Эхъ, какая метель! Свороти-ка ты, кумъ, немного въ сторону, — не найдешь ли дороги, а я тѣмъ временемъ поищу здѣсь. Дернетъ же нечистая сила таскаться по такой вьюгѣ! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Экъ, какую кучу снѣга напустилъ въ очи сатана!

Дороги, однакожъ, не было видно. Кумъ, отошедши въ сторону, бродилъ въ длинныхъ сапогахъ взадъ и впередъ и наконецъ набрелъ прямо на шинокъ. Эта находка такъ его обрадовала, что онъ позабылъ все и, стряхнувши съ себя снѣгъ, вошелъ въ сѣни, ни мало не беспокоясь объ оставшемся на улицѣ кумѣ. Чубу показалось между тѣмъ, что онъ нашелъ дорогу. Остановившись, принялся онъ кричать во все горло, но видя, что кумъ не является, рѣшился итти самъ. Немного пройдя, увидѣлъ онъ свою хату. Сугробы снѣгу лежали около нея и на крышѣ. Хлопая озябшими на холодѣ руками, принялся онъ стучать въ дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть.

— Чего тебѣ нужно? сурово закричалъ вышедшій кузнецъ.

Чубъ, узнавши голосъ кузнеца, отступилъ нѣсколько назадъ. «Э, нѣтъ, это не моя хата», говорилъ онъ про себя: «въ мою хату не забредетъ кузнецъ. Опять же, если присмотрѣться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была это хата? Вотъ на! не распозналъ! это хромого Левченка, который недавно женился на молодой женѣ. У него одного только хата похожа на мою. То-то мнѣ показалось и сначала немного чудно, что такъ скоро пришелъ домой.

Однакожь Левченко сидить теперь у дьяка, это я знаю; зачѣмъ же кузнецъ?... Э, ге, ге! онъ ходитъ къ его молодой женѣ! Вотъ какъ! хорошо... теперь я все понялъ».

— Кто ты такой и зачѣмъ таскаешься подъ дверями? произнесъ кузнецъ суровѣе прежняго и подойдя ближе.

«Нѣтъ, не скажу ему, кто я», подумалъ Чубъ: «чего добраго, еще приколотить, проклятый выродокъ!» и перемѣнивъ голосъ, отвѣчалъ: — «это я, человѣкъ добрый, пришелъ вамъ на забаву поколядовать немного подъ окнами».

— Убирайся къ чорту съ своими колядками! сердито закричалъ Вакула. — Что жъ ты стоишь? Слышишь: убирайся сей же часъ вонъ!

Чубъ самъ уже имѣлъ это благоразумное намѣреніе; но ему досадно показалось, что принужденъ слушаться приказаній кузнеца. Казалось, какой-то злой духъ толкалъ его подъ руку и вынуждалъ сказать что-нибудь наперекоръ.

— Что жъ ты въ самомъ дѣлѣ такъ раскричался? произнесъ онъ тѣмъ же голосомъ: — Я хочу колядовать, да и полно!

— Эге! да ты отъ словъ не уймешься! Вслѣдъ за сими словами Чубъ почувствовалъ пребольшой ударъ въ плечо.

— Да вотъ это ты, какъ я вижу, начинаешь уже драться! произнесъ онъ, немного отступая.

— Пошелъ, пошелъ! кричалъ кузнецъ, наградивъ Чуба другимъ толчкомъ.

— Что жъ ты! произнесъ Чубъ такимъ голосомъ, въ которомъ изображалась и боль, и досада, и робость: — ты, вижу, не въ шутку дерешься, и еще больно дерешься.

— Пошелъ, пошелъ! закричалъ кузнецъ и захлопнулъ дверь.

— Смотри, какъ расхрабился! говорилъ Чубъ, оставшись одинъ на улицѣ. — Попробуй, подойди, вишь какой? вотъ большая цаца *). Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нѣтъ, голубчикъ, я пойду, и пойду прямо къ комиссару. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнецъ и маляръ. Однакожъ, посмотрѣть на спину и плечи: я думаю, синія пятна есть. Должно быть больно поколотилъ, вражій сынъ! Жаль, что холодно и не хочется скидать кожуха! Пстой ты, бѣсовскій кузнецъ, чтобы чортъ поколотилъ и тебя, и твою кузницу: ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеникъ! **) Однакожъ, вѣдь теперь его нѣтъ дома. Солоха, думаю, сидитъ одна. Гм... Оно вѣдь недалеко отсюда — пойти бы. Время теперь такое, что насъ никто не застанетъ. Можетъ, и того будетъ можно... Вишь, какъ больно поколотилъ проклятый кузнецъ.

Тутъ Чубъ, почесавъ свою спину, отправился въ другую сторону. Пріятность, ожидавшая его впереди, при свиданіи съ Солохою, умаляла немного боль и дѣлала нечувствительнымъ и самый морозъ, который трещалъ по всѣмъ улицамъ, не заглушаемый свистомъ вьюги. По временамъ на лицѣ его, котораго бороду и усы метель намылила снѣгомъ проворнѣе всякаго цырюльника, тирански хватающаго за носъ свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однакожъ, снѣгъ не крестилъ назадъ и впередъ всего предъ глазами, то долго еще можно было бы видѣть, какъ Чубъ останавливался, почесывалъ спину, произносилъ: «больно поколотилъ проклятый кузнецъ!» и снова отправлялся въ путь.

*) Игрушка.

**) Висѣльникъ.

то время, когда проворный франтъ съ хвостомъ и козлиною бородою леталъ изъ трубы и потомъ снова въ трубу, висѣвшая у него съ боку на перевязи ладунка, въ которую онъ спряталъ украденный мѣсяцъ, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяцъ, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ чрезъ трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все освѣтилось; метели какъ не бывало; снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами; морозъ какъ бы потеплѣлъ; толпы парубковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками; пѣсни зазвенѣли, и подь рѣдкою хатою не толпились колядующіе.

Чудно блеститъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подь плотнымъ козухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе

горятъ щеки, а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади.

Кучи дѣвушекъ съ мѣшками вломились въ хату Чуба, окружили Оксану. Крикъ, хохоть, рассказы оглушили кузнеца. Всѣ наперерывъ спѣшили рассказать красавицѣ что-нибудь новое, выгружали мѣшки и хвастались паляницами *), колбасами, варениками, которыхъ успѣли уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была въ совершенномъ удовольствіи и радости, болтала то съ той, то съ другой, и хохотала безъ умолку.

Съ какой-то досадой и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую веселость и на этотъ разъ проклиналъ колядки, хотя самъ бывалъ отъ нихъ безъ ума.

— Э, Одарка! сказала веселая красавица, оборотившись къ одной изъ дѣвушекъ, — у тебя новые черевики **). Ахъ, какіе хорошіе! и съ [золотомъ! Хорошо тебѣ, Одарка, у тебя есть такой человѣкъ, который все тебѣ покупаетъ, а мнѣ некому достать такіе славные черевики.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана! подхватилъ кузнецъ: — я тебѣ достану такіе черевики, какіе рѣдкая панночка носить.

— Ты? сказала Оксана скоро и надменно поглядѣвъ на него: — посмотрю я, гдѣ ты достанешь черевики, которые могла бы я надѣть на свою ногу! Развѣ принесешь тѣ самые, которые носить царица.

— Видишь, какихъ захотѣла! закричала со смѣхомъ дѣвичья толпа.

— Да, продолжала гордо красавица: — будьте всѣ вы свидѣтельницы, если кузнецъ Вакула принесетъ

*) Плоскій хлѣбъ.

**) Башмаки.

тѣ самые черевики, которые носитъ царица, то вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него замужъ.

Дѣвушки увели съ собою капризную красавицу.

— Смѣйся, смѣйся! говорилъ кузнецъ, выходя вслѣдъ за ними. — Я самъ смѣюсь надъ собою! Думаю и не могу вздумать, куда дѣвался умъ мой? Она меня не любитъ, — ну, Богъ съ ней, будто только на всемъ свѣтѣ одна Оксана. Слава Богу, дивчатъ много хорошихъ и безъ нея на селѣ. Да чтѣ Оксана? изъ нея никогда не будетъ доброй хозяйки: она только мастерица рядиться. Нѣтъ, полно, пора перестать дурачиться.

Но въ самое то время, когда кузнецъ готовился быть рѣшительнымъ, какой-то злой духъ проносилъ предъ нимъ смѣющийся образъ Оксаны, говорившій насмѣшливо: «Достань, кузнецъ, царицыны черевики, выйду за тебя замужъ!» Все въ немъ волновалось, и онъ думалъ только объ одной Оксанѣ.

Толпы колядующихъ, парубки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую. Но кузнецъ шелъ и ничего не видалъ и не участвовалъ въ тѣхъ веселостяхъ, которыя когда-то любилъ болѣе всѣхъ.

Чортъ между тѣмъ не на шутку разнѣжился у Солохи: цѣловалъ ея руку съ такими ужимками, какъ засѣдатель у поповны, брался за сердце, охалъ и сказалъ напрямикъ, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, какъ водится, наградить, то онъ готовъ на все: кинется въ воду, а душу отправить прямо въ пекло. Солоха была не такъ жестока; притомъ же чортъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ съ нею заодно. Она таки любила видѣть водочившуюся за собою толпу и рѣдко бывала безъ

компаніи. Этотъ вечеръ, однакожъ, думала провести одна, потому что всѣ именитые обитатели села званы были на кутю къ дьяку. Но все пошло иначе: чортъ только что представилъ свое требованіе, какъ вдругъ послышался голосъ дюжаго головы. Солоха побѣжала отворить дверь, а проворный чортъ влѣзъ въ лежавшій мѣшокъ.

Голова, стряхнувъ съ своихъ капелюхъ снѣгъ и выпивши изъ рукъ Солохи чарку водки, разсказалъ, что онъ не пошелъ къ дьяку, потому что поднялась метель; а увидѣвши свѣтъ въ ея хатѣ, завернулъ къ ней, въ намѣреніи провести вечеръ съ нею.

Не успѣлъ голова это сказать, какъ въ дверь послышался стукъ и голосъ дьяка.

— Спрячь меня куда-нибудь, шепталъ голова: — мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ дьякомъ.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотнаго гостя; наконецъ, выбрала самый большой мѣшокъ съ углемъ: уголь высыпала въ кадку, и дюжій голова влѣзъ съ усами, съ головою и капелюхами въ мѣшокъ.

Дьякъ вошелъ, покряхтывая и потирая руки, и разсказалъ, что у него не было никого, и что онъ сердечно радъ этому случаю *погулять* немного у нея, и не испугался метели. Тутъ онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмѣхнулся, дотронулся пальцами ея обнаженной, полной руки и произнесъ съ такимъ видомъ, въ которомъ выказывалось и лукавство и самодовольствіе: — А что это у васъ, великолѣпная Солоха? и, сказавши это, отскочилъ нѣсколько назадъ.

— Какъ что? рука, Осипъ Никифоровичъ, отвѣчала Солоха.

— Хм! рука! Хе-хе-хе! произнесъ сердечно довольный своимъ началомъ дьякъ и прошелся по комнатѣ.

— А это что у васъ, дражайшая Солоха? произ-

несъ онъ съ такимъ же видомъ, приступивъ къ ней снова и схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ отскочивъ назадъ.

— Будто не видите, Осипъ Никифоровичъ, отвѣчала Солоха: — шея, а на шеѣ монисто.

— Гм! на шеѣ монисто! Хе-хе-хе! и дьякъ снова прошелся по комнатѣ, потирая руки.

— А это что у васъ, несравненная Солоха?... Неизвѣстно, къ чему бы теперь притронулся дьякъ своими длинными пальцами, какъ вдругъ послышался стукъ въ дверь и голосъ казака Чуба.

— Ахъ, Боже мой, стороннее лицо! закричалъ въ испугъ дьякъ. — Что теперь, если застанутъ особу моего званія! Дойдетъ до отца Кондрата!...

Но опасенія дьяка были другого рода: онъ боялся болѣе того, чтобы не узнала его половина, которая и безъ того страшною рукою своею сдѣлала изъ его толстой косы самую узенькую. — Ради Бога, добродѣтельная Солоха! говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: — ваша доброта, какъ говоритъ писаніе Луки, глава трина... трин.... Стучатся, ей Богу, стучатся! Охъ, спрячьте меня куда-нибудь!

Солоха высыпала уголь въ кадку изъ другого мѣшка, и неслишкомъ объемистый тѣломъ дьякъ влѣзъ въ него и сѣлъ на самое дно, такъ что сверхъ него можно было насыпать еще съ полмѣшка угля.

— Здравствуй, Солоха! сказалъ, входя въ хату, Чубъ. — Ты, можетъ быть, не ожидала меня — а? Правда, не ожидала? Можетъ быть, я помѣшалъ... продолжалъ Чубъ, показавъ на лицѣ своемъ веселую и значительную мину, которая заранѣе давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затѣйливую шутку. — Можетъ быть, вы тутъ забавлялись съ кѣмъ-нибудь!... Можетъ быть, ты кого-нибудь спрятала

уже, а? И восхищенный такимъ замѣчаніемъ своимъ, Чубъ засмѣялся, внутренно торжествуя, что онъ одинъ только пользуется благосклонностью Солохи. — Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло отъ проклятаго мороза. Послалъ же Богъ такую ночь передъ Рождествомъ! Какъ схватилась, слышишь, Солоха, какъ схватилась... экъ окостенѣли руки: не разстегну кожуха! какъ схватилась выюга...

— Отвори! раздался на улицѣ голосъ, сопровождаемый толчкомъ въ дверь.

— Стучить кто-то! сказалъ остановившійся Чубъ.

— Отвори! закричали сильнѣе прежняго.

— Это кузнецъ! произнесъ, схватясь за капелюхи, Чубъ: — слышишь, Солоха, куда хочешь дѣвай меня; я низачто на свѣтѣ не захочу показаться этому выродку проклятому, чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обоими глазами по пузырю въ копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась, какъ угорѣлая, и, позабывшись, дала знакъ Чубу лѣзть въ тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ уже дьякъ. Бѣдный дьякъ не смѣлъ даже изъяснить кашлемъ и кряхтѣніемъ боли, когда сѣлъ ему почти на голову тяжелый мужикъ и помѣстилъ свои намерзнувшіе на морозѣ сапоги по обѣимъ сторонамъ его висковъ.

Кузнецъ вошелъ, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Замѣтно, что онъ былъ весьма не въ духѣ.

Въ то самое время, когда Солоха затворила за нимъ дверь, кто-то постучался снова. Это былъ казакъ Свербигузъ. Этого уже нельзя было спрятать въ мѣшокъ, потому что и мѣшка такого нельзя было найти. Онъ былъ погрузнѣе тѣломъ самого головы и повыше ростомъ Чубова кума. И потому Солоха вывела его

въ огородъ, чтобы выслушать отъ него все то, что онъ хотѣлъ ей объявить.

Кузнецъ разсѣянно оглядывалъ углы своей хаты, вслушиваясь по временамъ въ далеко разносившіяся пѣсни колядующихъ; наконецъ остановилъ глаза на мѣшкахъ. «Затѣмъ тутъ лежатъ эти мѣшки? ихъ давно бы пора убрать отсюда. Черезъ эту глупую любовь я одурѣлъ совсѣмъ. Завтра праздникъ, а въ хатѣ до сихъ поръ лежитъ всякая дрянь. Отнести ихъ въ кузницу!»

Тутъ кузнецъ присѣлъ къ огромнымъ мѣшкамъ, перевязалъ ихъ крѣпче и готовился взвалить себѣ на плечи. Но замѣтно было, что его мысли гуляли, Богъ знаетъ гдѣ; иначе онъ бы услышалъ, какъ зашипѣлъ Чубъ, когда волоса на головѣ его прикрутила завязавшая мѣшокъ веревка, и дюжій голова началъ было икать довольно явственно.

— Неужели не выбьется изъ ума моего эта негодная Оксана? говорилъ кузнецъ. — Не хочу думать объ ней: а все думается, и, какъ нарочно, объ ней одной только. Отчего это такъ, что дума противъ воли лѣзетъ въ голову? Кой чортъ, мѣшки стали какъ-будто тяжелѣе прежняго! Тутъ, вѣрно положено еще что-нибудь, кромѣ угля. Дурень я! я и позабылъ, что теперь мнѣ все кажется тяжелѣе. Прежде, бывало, я могъ согнуть и разогнуть въ одной рукѣ мѣдный пятакъ и лошадиную подкову, а теперь мѣшковъ съ углемъ не подниму. Скоро буду отъ вѣтра валиться... Нѣтъ! вскричалъ онъ, помолчавъ и ободрившись: что я за баба! Не дамъ никому смѣяться надъ собою! Хоть десять такихъ мѣшковъ — все подниму. И бодро взвалилъ себѣ на плечи мѣшки, которыхъ не понесли бы два дюжихъ человѣка. «Взять и этотъ», продолжалъ онъ, поднимая маленькій мѣшокъ, на днѣ котораго лежалъ, свернувшись, чортъ.

Тутъ, кажется, я положилъ струментъ свой. — Ска-
завъ это, онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая
пѣсню:

Міні съ жінкой не возитьця.

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни
и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены
еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки
шалили и бѣсились въ волю. Часто, между колядками,
слышалась какая-нибудь веселая пѣсня, которую тутъ
же успѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ каза-
ковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки,
отпускалъ щедровку и ревѣлъ во все горло:

Щедрикъ, ведрикъ!

Дайте вареникъ!

Грудочку кашки!

Кільце ковбаски! *)

Хохоть награждалъ затѣйника. Маленькія окна
подымались, и сухошавая рука старухи (которыя однѣ
только вмѣстѣ съ степенными отцами оставались
въ избахъ) высовывалась изъ окошка съ колбасою
въ рукахъ или кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки
наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою до-
бычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ
сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ;
одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣ-
шокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки
ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ
вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось,
 всю ночь напролетъ готовы были повеселиться.
И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! и
еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеску снѣга!

*) Эту пѣсню поютъ ваканунѣ Новаго года, когда, вмѣсто коли-
дованья, щедруютъ. (Изд. 1857 г. Прим. П. Кулиша).

Кузнецъ остановился съ своими мѣшками. Ему почудился въ толпѣ дѣвушекъ голосъ и тоненькій смѣхъ Оксаны. Всѣ жилки въ немъ вздрогнули; бросивши на землю мѣшки, такъ-что находившійся на днѣ дѣякъ заохалъ отъ ушибу и голова икнулъ во все горло, побрелъ онъ съ маленькимъ мѣшкомъ на плечахъ вмѣстѣ съ толпою парубковъ, шедшихъ слѣдомъ за дѣвичьей толпою; между которою ему слышался голосъ Оксаны.

«Такъ, это она! Стоитъ, какъ царица, и блеситъ черными очами! Ей рассказываетъ что-то видный парубокъ; вѣрно забавное, потому что она смѣется. Но она всегда смѣется». Какъ будто невольно, самъ не понимая какъ, протерся кузнецъ сквозь толпу и сталъ подлѣ нея.

— А, Вакула, ты тутъ! Здравствуй! сказала красавица съ той же самой усмѣшкой, которая чуть не сводила Вакулу съ ума. — Ну, много наколядовалъ? Э, какой маленькій мѣшокъ! А черевики, которые носить царица, досталъ? Достань черевики, выйду замужъ!... И засмѣявшись, убѣжала съ толпою.

Какъ вкопанный, стоялъ кузнецъ на одномъ мѣстѣ. «Нѣтъ, не могу; нѣтъ силъ больше»... произнесъ онъ наконецъ. «Но, Боже ты мой, отчего она такъ чертовски хороша? Ея взглядъ, и рѣчи, и все, ну вотъ такъ и жжетъ, такъ и жжетъ... Нѣтъ, не въ мочь уже пересилить себя! Пора положить конецъ всему: пропадай душа! пойду утоплюсь въ проруби, и поминай, какъ звали!»

Тутъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ, догнавъ толпу, поравнялся съ Оксаною и сказалъ твердымъ голосомъ: — Прощай, Оксана! Ищи себѣ какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь, а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ.

Красавица казалась удивленною, хотѣла что-то сказать, но кузнецъ махнулъ рукою и убѣжалъ.

— Куда, Вакула? кричали парубки, видя бѣгущаго кузнеца.

— Прощайте, братцы! кричалъ въ отвѣтъ кузнецъ: — дасть Богъ, увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ не гулять намъ вмѣстѣ. Прощайте, не поминайте лихомъ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ чудотворца и Божіей Матери, грѣшенъ, не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое найдется въ моей скрынѣ*), на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнецъ принялся снова бѣжать съ мѣшкомъ на спинѣ.

— Онъ повредился! говорили парубки.

— Пропадшая душа! набожно пробормотала проходившая мимо старуха: — пойти рассказать, какъ кузнецъ повѣсился!

Вакула, между тѣмъ, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевести духъ. «Куда я въ самомъ дѣлѣ бѣгу!» подумалъ онъ. «Какъ-будто уже все пропало! Попробую еще средство: пойду ка запорожцу пузатому Пацюку. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаетъ, что захочетъ. Пойду, вѣдь душѣ все же придется пропадать!»

При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшкѣ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, стряхнувъ его на плечахъ, отправился къ пузатому Пацюку.

*) Кладовая.

Этотъ пузатый Пацюкъ былъ точно когда-то запорожцемъ; но выгнали его, или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья, этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а можетъ, и пятнадцать, онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настоящій запорожець: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей и выпивалъ однимъ разомъ почти по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Пацюкъ, несмотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно увѣсистъ. Притомъ шаровары, которыя носилъ онъ, были такъ широки, что какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было замѣтно, и казалось, винокуренная кадъ двигалась по улицѣ. Можетъ быть, это самое подало поводъ прозвать его пузатымъ. Не прошло нѣсколько недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотчасъ призывалъ Пацюка, а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, и недугъ какъ будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью — Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась, куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворянскому горлу. Въ послѣднее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причина этому была, можетъ быть, лѣнь, а можетъ, и то, что пролѣзть въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда міряне должны были отправляться къ нему сами, если имѣли въ немъ нужду.

Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу, по-турецки, передъ небольшою кадушкою, на которой стояла миска съ галушками. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ,

онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебаль жижу, схватывая по временамъ зубами галушки.

«Нѣтъ, этотъ», подумалъ Вакула про себя, «еще лѣнивѣе Чуба: тотъ по крайней мѣрѣ ѣстъ ложкою, а этотъ и руки не хочетъ поднять!»

Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

— Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ! сказалъ Вакула, кланаясь снова.

Толстый Пацюкъ поднялъ голову и снова началъ хлебать галушки.

— Ты, говорятъ, не во гнѣвъ будь сказано... сказалъ, собираясь съ духомъ, кузнецъ, — я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанести какую обиду, — приходишься немного съ родни чорту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился все еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадушку вмѣстѣ съ мискою, пошлетъ ему прямо въ голову, отсторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижѣ съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлебать галушки.

Ободренный кузнецъ рѣшилъ продолжать:—Къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ, дай Боже тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи! (Кузнецъ иногда умѣлъ вернуть модное слово: въ томъ онъ понаторѣлъ въ бытность еще въ Полтавѣ, когда размалевывалъ сотнику дощатый заборъ). Пропадать приходится мнѣ, грѣшному! ничто не помогаетъ на свѣтѣ! Что будетъ, то будетъ, приходится просить помощи у самого чорта. Что жъ, Пацюкъ,—произнесъ

кузнецъ, видя неизмѣнное его молчаніе: — какъ мнѣ быть?

— Когда нужно чорта, то и ступай къ чортѣ! отвѣчалъ Пацюкъ, не поднимая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришелъ къ тебѣ, — отвѣчалъ кузнецъ, отвѣшивая поклонъ: — кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтѣ не знаетъ къ нему дороги.

Пацюкъ ни слова, и доѣдалъ остальные галушки.

— Сдѣлай милость, человѣкъ добрый, не откажи? наступалъ кузнецъ. Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну полотна, пшена, или иного прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи хоть, какъ, примѣрно сказать, попастьъ къ нему на дорогу?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами, — произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ на него глаза, какъ будто бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ. «Что онъ говоритъ?» безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый ротъ готовился проглотить, какъ галушку, первое слово.

Но Пацюкъ молчалъ.

Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ, ни кашки передъ нимъ не было; но вмѣсто того на полу стояли двѣ деревянные миски: одна была наполнена варениками, другая сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотримъ», говоритъ онъ самъ себѣ, «какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки, да и нельзя: нужно вареникъ сперва обмакнуть въ сметану».

Только что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ; поглядѣлъ на вареники и еще больше

разинуль ротъ. Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ сѣлъ и снова разинуль ротъ, и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удивленія ротъ, и тотъ же часъ замѣтилъ, что вареникъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ и уже вымазалъ губы сметаною. Оттолкнувши вареникъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бывають на свѣтѣ и до какихъ мудростей доводитъ человѣка нечистая сила, замѣтя притомъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему.

«Поклонюсь ему еще, пусть растолкуетъ хорошенько... Однако, что за чортъ! вѣдь сегодня *голодная кутья* *), а онъ ѣстъ вареники, вареники скоромные! Чтò я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ: стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!» и набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однакожъ чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и заранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобъ ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сѣлъ верхомъ ему на шею.

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ, что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ: — Это я, твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Денегъ

*) *Голодная кутья* празднуется наканунѣ Крещенія; наканунѣ Рождества Христова *богатая*, наканунѣ Нового года — *щедрая*. (Изд. 1857 г. примѣч. П. К.).

дамъ, сколько хочешь, — пискнулъ онъ ему въ лѣвое ухо. — Оксана будетъ сегодня же наша, — шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнецъ стоялъ, размышляя.

— Изволь, сказалъ онъ наконецъ, — за такую цѣну готовъ быть твоимъ!

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ кузнеца. «Теперь-то попался кузнецъ!» думалъ онъ про себя, «теперь-то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей! Чтѣ теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села человѣкъ въ моихъ рукахъ?»

Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будетъ дразнить въ адѣ все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромой чортъ, считавшійся между ними первымъ на выдумки.

— Ну, Вакула! пропищалъ чортъ, все такъ же, не слѣзая съ шеи, какъ бы опасаясь, чтобъ онъ не убѣжалъ: — ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ.

— Я готовъ! сказалъ кузнецъ. — У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь!

Тутъ онъ заложилъ назадъ руку — и хватъ чорта за хвостъ.

— Вишь, какой шутникъ! закричалъ, смѣясь, чортъ: — ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчикъ! закричалъ кузнецъ, — а вотъ это какъ тебѣ покажется? При этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ. — Постой же, сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю: — будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ.

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

— Помилуй, Вакула! жалобно простоналъ чортъ: все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!

— А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! слышишь, неси, какъ птица!

— Куда? произнесъ печальный чортъ.

— Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ! — И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ.

олго стояла Оксана, раздумывая о странныхъ рѣчахъ кузнеца. Уже внутри ея что-то говорило, что она слишкомъ жестоко поступила съ нимъ. «Что, если онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшится на что-нибудь страшное? Чего добраго! можетъ быть, онъ съ горя вздумаетъ влюбиться въ другую и съ досады станетъ называть ее первою красавицею на селѣ! Но нѣтъ, онъ меня любитъ. Я такъ хороша! Онъ меня ни за что не промѣняетъ; онъ шалитъ, прикидывается. Не пройдетъ минутъ десяти, какъ онъ вѣрно придетъ поглядѣть на меня. Я, въ самомъ дѣлѣ, сурова. Нужно ему дать, какъ будто нехотя, поцѣловать себя. То то онъ обрадуется!» И вѣтреная красавица уже шутила съ своими подругами.

— Постойте, — сказала одна изъ нихъ: кузнецъ позабылъ мѣшки свои: смотрите, какіе страшные мѣшки! Онъ не по-нашему наколядовалъ; я думаю,

сюда по цѣлой четверти барана кидали; а колбасамъ и хлѣбамъ, вѣрно, счету нѣтъ. Роскошь! цѣлые праздники можно объѣдаться.

— Это кузнецовы мѣшки? подхватила Оксана: — утащимъ скорѣе ихъ ко мнѣ въ хату и разглядимъ хорошенько, что онъ сюда положилъ.

Всѣ со смѣхомъ одобрили такое предложеніе.

— Но мы не поднимаемъ ихъ! закричала вся толпа вдругъ, слясь сдвинуть мѣшки.

— Пойдите, — сказала Оксана: побѣжимъ скорѣе за санками и отвеземъ на санкахъ!

И толпа побѣжала за санками.

Плѣнникамъ сильно прискучило сидѣть въ мѣшкахъ, несмотря на то, что дѣякъ проткнулъ для себя пальцемъ порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, можетъ быть, онъ нашелъ бы средство вылѣзть; но вылѣзть изъ мѣшка при всѣхъ, показать себя на смѣхъ... это удерживало его, и онъ рѣшился ждать, слегка только покряхтывая подъ невѣжливыми сапогами Чуба. Чубъ самъ не менѣе желалъ свободы, чувствуя, что подъ нимъ лежитъ что-то такое, на чемъ сидѣть страхъ было неловко. Но какъ скоро услышалъ рѣшеніе своей дочери, то успокоился и не хотѣлъ уже вылѣзть, рассуждая, что къ хатѣ своей нужно пройти, по крайней мѣрѣ, шаговъ съ сотню, а можетъ быть и другую; вылѣзши же, нужно же оправиться, застегнуть кожухъ, подвязать поясъ — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дивчата довезутъ на санкахъ.

Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Чубъ: въ то время, когда дивчата побѣжали за санками, худошавый кумъ выходилъ изъ шинка разстроенный и не въ духѣ. Шинкарка никакимъ образомъ не рѣшалась ему вѣрить въ долгъ; онъ хотѣлъ было дожидаться, авось-либо придетъ какой-нибудь набожный

дворянинъ и попотчуетъ его; но какъ нарочно, всѣ дворяне оставались дома и, какъ честные христіане, ѣли кутью посреди своихъ домашнихъ. Размышляя о развращеніи нравовъ и о деревянномъ сердцѣ жидовки, продающей вино, кумъ набрелъ на мѣшки и остановился въ изумленіи. «Вишь, какіе мѣшки кто-то бросилъ на дорогѣ!» сказалъ онъ, осматриваясь по сторонамъ: «должно-быть, тутъ и свинина есть. Полѣзло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины: экіе страшные мѣшки! Положимъ, что они набиты гречаниками да коржами*) и то *добре*; хотя бы были тутъ однѣ паляницы, и то въ *шмакѣ*: жидовка за каждую паляницу даетъ осьмуху водки. Утащить скорѣе, чтобы кто не увидѣлъ».

Тутъ взвалилъ онъ себѣ на плеча мѣшокъ съ Чубомъ и дьякомъ, но почувствовалъ, что онъ слишкомъ тяжелъ. «Нѣтъ, одному будетъ тяжело нести», проговорилъ онъ, «а вотъ, какъ нарочно, идетъ ткачъ Шапуваленко». — Здравствуй, Остапъ!

— Здравствуй, сказалъ, остановившись, ткачъ.

— Куда идешь?

— А такъ, иду, куда ноги идутъ.

— Помоги, человекъ добрый, мѣшки снести! кто-то колядовалъ, да и кинулъ посерединѣ дороги. Добромъ раздѣлимся пополамъ.

— Мѣшки? а съ чѣмъ мѣшки: съ книшами**) или паляницами?

— Да думаю, всего есть.

Тутъ выдернули они наскоро изъ плетня палки, положили на нихъ мѣшокъ и понесли на плечахъ.

— Куда жъ мы понесемъ его? въ шинокъ? спросилъ дорогою ткачъ.

*) Прѣсная лепешка.

**) То же.

— Оно бы и я такъ думалъ, чтобы въ шинокъ, но вѣдь проклятая жидовка не повѣритъ, подумаетъ еще, что гдѣ-нибудь украли; къ тому же я только-что изъ шинка. Мы отнесемъ его въ мою хату. Намъ никто не помѣшаетъ: жинки нѣтъ дома.

— Да точно ли нѣтъ дома? спросилъ осторожный ткачъ.

— Слава Богу, мы не совсѣмъ еще безъ ума, сказалъ кумъ: — чортъ ли бы принесъ меня туда, гдѣ она. Она, думаю, протаскается съ бабами до свѣта.

— Кто тамъ? закричала кумова жена, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, произведенный приходомъ двухъ пріятелей съ мѣшкомъ, и отворяя дверь.

Кумъ остолбенѣлъ.

— Вотъ тебѣ на! произнесъ ткачъ, опустья руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и зажиточныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппетитомъ и дралась только по утрамъ съ своимъ мужемъ, потому что въ это только время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваръ волостного писаря: крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякій, выходившій изъ дому, никогда не бралъ палки для собакъ, въ надеждѣ, что будетъ проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую изъ его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала какъ можно подалѣе отъ своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ. Кумъ, несмотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и отъ того почти всегда уходилъ изъ дому съ фо-

нарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкамъ о безчинствѣхъ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ.

Теперь можно себя представить, какъ были озадачены ткачъ и кумъ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Опустивши мѣшокъ, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена хотя и дурно видѣла старыми глазами, одна-кожъ мѣшокъ замѣтила.

— Вотъ это хорошо! сказала она съ такимъ видомъ, въ которомъ замѣтна была радость ястреба: — это хорошо, что наколядовали столько! Вотъ такъ всегда дѣлаютъ добрые люди; только нѣтъ, я думаю, гдѣ-нибудь подцѣпили. Покажите мнѣ сейчасъ, слышите, покажите сей же часъ мѣшокъ вашъ!

— Лысый чортъ тебѣ покажетъ, а не мы, — сказалъ, пріосанясь, кумъ.

— Тебѣ какое дѣло? сказалъ ткачъ: мы наколядовали, а не ты.

— Нѣтъ, ты мнѣ покажешь, негодный пьяница! вскричала жена, ударивъ высокаго кума кулакомъ въ подбородокъ и продираясь къ мѣшку.

Но ткачъ и кумъ мужественно отстояли мѣшокъ и заставили ее попытаться назадъ. Не успѣли они оправиться, какъ супруга выбѣжала въ сѣни уже съ кочергою въ рукахъ. Проворнохватила кочергою мужа по рукамъ, ткача по спинѣ и уже стояла возлѣ мѣшка.

— Что мы допустили ее? сказалъ ткачъ, очнувшись.

— Э, что мы допустили! А отчего ты допустилъ? сказалъ хладнокровно кумъ.

— У васъ кочерга, видно, желѣзная! сказалъ послѣ небольшого молчанія ткачъ, почесывая спину. — Моя жинка купила прошлый годъ на ярмаркѣ кочергу, дала пивкопы; та ничего... не больно.

Между тѣмъ торжествующая супруга, поставивъ на полъ каганецъ, развязала мѣшокъ и заглянула въ него.

Но, вѣрно, старые глаза ея, которые такъ хорошо увидѣли мѣшокъ, на этотъ разъ обманулись — Э, да тутъ лежитъ цѣлый кабанъ! вскрикнула она, всплеснувъ отъ радости въ ладоши.

— Кабанъ! Слышишь, цѣлый кабанъ! толкалъ ткачъ кума; — а все ты виноватъ!

— Что жъ дѣлать! произнесъ, пожимая плечами, кумъ.

— Какъ что? чего мы стоимъ? отнимемъ мѣшокъ! Ну, приступай!

— Пошла прочь! пошла! это нашъ кабанъ! кричалъ, выступая, ткачъ.

— Ступай, ступай, чортова баба! это не твое добро! говорилъ, приближаясь, кумъ.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чубъ въ это время вылѣзъ изъ мѣшка и сталъ посреди сѣней, потягиваясь, какъ человѣкъ, только-что пробудившійся отъ долгаго сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши объ полы руками, и всѣ невольно разинули рты.

— Чтò жъ она, дура, говоритъ кабанъ! Это не кабанъ! сказалъ кумъ, выпуча глаза.

— Вишь, какого человѣка кинуло въ мѣшокъ! сказалъ ткачъ, пятясь отъ испугу. — Хоть, что хочешь, говори, хоть тресни, а не обошлось безъ нечистой силы. Вѣдь онъ не пролѣзетъ въ окошко!

— Это кумъ! вскрикнулъ, взглянувъ, кумъ.

— А ты думалъ кто? сказалъ Чубъ, усмѣхаясь. — Чтò, славную я выкинулъ надъ вами штуку? А вы, небось, хотѣли меня съѣсть вмѣсто свинины? Пойдите же, я васъ порадою: въ мѣшкѣ лежитъ еще что-то, если не кабанъ, то навѣрно поросенокъ или

иная живность. Подо мною безпрестанно что-то шевелилось.

Ткачъ и кумъ кинулись къ мѣшку, хозяйка дома уцѣпилась съ противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы дьякъ, увидѣвши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался изъ мѣшка.

Кумова жена, остолбенѣвъ, выпустила изъ рукъ ногу, за которую начала было тянуть дьяка изъ мѣшка.

— Вотъ и другой еще! вскрикнулъ со страхомъ ткачъ: — чортъ знаетъ, какъ, стало на свѣтѣ... голова идетъ кругомъ... не колбасы и не паляницы, а людей кидаютъ въ мѣшки!

— Это дьякъ! произнесъ, изумившись болѣе всѣхъ, Чубъ: — вотъ тебѣ на! ай да Солоха! посадить въ мѣшокъ... То-то я гляжу, у ней полная хата мѣшковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мѣшкѣ сидѣло по два человѣка. А я думалъ, что она только мнѣ одному... вотъ тебѣ и Солоха!

Дѣвушки немного удивились, не найдя одного мѣшка.

«Нечего дѣлать, будетъ съ насъ и этого», лепетала Оксана.

Всѣ принялись за мѣшокъ и взвалили его на санки.

Голова рѣшилъ молчать, разсуждая, что если онъ закричитъ, чтобъ его выпустили и развязали мѣшокъ, — глупыя дивчата разбѣгутся и подумаютъ, что въ мѣшкѣ сидитъ дьяволъ, и онъ останется на улицѣ, можетъ-быть, до завтра.

Дѣвушки, между тѣмъ, дружно взявшись за руки, полетѣли, какъ вихорь, съ санками по скрипучему зѣнгу. Многія изъ нихъ, шая, садились на санки;

другія взбирались на самого голову. Голова рѣшился сносить все.

Наконецъ пріѣхали, отворили настежь дверь въ сѣняхъ и въ хатѣ и съ хохотомъ втащили мѣшокъ.

— Посмотримъ, что-то лежитъ тутъ, закричали всѣ, бросившись развязывать.

Тутъ икота, которая не переставала мучить голову во все время сидѣнія его въ мѣшкѣ, такъ усилилась, что онъ началъ икать и кашлять во все горло.

— Ахъ, тутъ сидитъ кто-то! закричали всѣ и въ испугѣ бросились вонъ изъ дверей.

— Чтò за чортъ! куда вы мечетесь, какъ угорѣлая? сказалъ, входя въ дверь, Чубъ.

— Ай, батько! произнесла Оксана, въ мѣшкѣ сидитъ кто-то!

— Въ мѣшкѣ! гдѣ вы взяли этотъ мѣшокъ?

— Кузнецъ бросилъ его посерединѣ дороги, сказали всѣ вдругъ.

«Ну, такъ, не говорилъ ли я?...» подумалъ про себя Чубъ. — Чего-жъ вы испугались? посмотримъ: — а ну-ка, человиче, прошу не прогнѣваться, что не называемъ по имени и отчеству, вылѣзай изъ мѣшка!

Голова вылѣзъ.

— Ау! вскрикнули дѣвушки.

«И голова влѣзъ туда же», говорилъ про себя Чубъ въ недоумѣніи, мѣряя его съ головы до ногъ: «вишь какъ!... Э!...» болѣе онъ ничего не могъ сказать.

Голова самъ былъ не меньше смущенъ и не зналъ, что начать.

— Должно быть, на дворѣ холодно, сказалъ онъ обращаясь къ Чубу.

— Морозецъ есть, отвѣчалъ Чубъ: — а позволь спросить тебя: чѣмъ ты смазываешь свои сапоги,

смальцемъ или дегтемъ? Онъ хотѣлъ не то сказать; онъ хотѣлъ спросить: какъ ты, голова, залѣзъ въ этотъ мѣшокъ? но самъ не понималъ, какъ выговорилъ совершенно другое.

— Дегтемъ — лучше, сказалъ голова. — Ну, прощай Чубъ! и, нахлобучивъ капелюхи, вышелъ изъ хаты.

«Для чего спросилъ я сдуру, чѣмъ онъ мажетъ сапоги?» произнесъ Чубъ, поглядывая на двери, въ которыя вышелъ голова. «Ай да Солоха! эдакого человѣка засадить въ мѣшокъ!... Вишь, чортова баба! А я дуракъ... да гдѣ же тотъ проклятый мѣшокъ?»

— Я кинула его въ уголъ, тамъ больше ничего нѣтъ, сказала Оксана.

— Знаю я эти штуки, ничего нѣтъ! Подайте его сюда: тамъ еще одинъ сидитъ! Встряхните его хорошенько... Чтò, нѣтъ? Вишь, проклятая баба! А поглядѣть на нее — какъ святая, какъ будто и скромнаго никогда не брала въ ротъ!...

Но оставимъ Чуба изливать на досугъ свою досаду и возвратимся къ кузнецу, потому что уже на дворѣ, вѣрно, есть часъ девятый.

Сначала страшно показалось Вакулѣ, когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу, и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что, если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однакожъ, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ. Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ облакомъ влубился

въ сторонѣ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только-что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... много еще дряни встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него и потомъ снова несло далѣе и продолжало свое; кузнецъ все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація.) Чортъ, перелетѣвъ черезъ шлагбаумъ, оборотился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ среди улицы.

Боже мой! стукъ, громъ, блескъ: по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; свѣтъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, унизанными плочками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, досягая головою трубъ и крышъ.

Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ дома устремили на него свои безчисленные огненные очи и глядѣли. Господь, въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тутъ панства!» подумалъ кузнецъ: «я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель, то и засѣдатель! а тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то, вѣрно, комиссары, а можетъ, еще и больше». Его слова пре-

рваны были вопросомъ чорта. «Прямо ли ѣхать къ царицѣ?» — «Нѣтъ, страшно», подумалъ кузнецъ; «тутъ, гдѣ-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ; все бы таки посоветоваться съ ними. Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ, да води къ запорожцамъ!»

Чортъ въ одну минуту похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда влѣзъ къ нему въ карманъ. А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, вошелъ, самъ не зная какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тѣхъ самыхъ запорожцевъ, [которые проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шелковыхъ диванахъ, поджавъ подъ себя намазанные дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно корешками.

— Здравствуйте, панове! помогай Богъ вамъ! вотъ гдѣ увидѣлись! сказалъ кузнецъ, подошедши ближе и отвѣсивши поклонъ до земли.

— Чтò тамъ за человекъ? спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другого, сидѣвшаго подалѣе.

— А вы не узнали? сказалъ кузнецъ: — это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжали осенью черезъ Диканьку, то прогостили, дай Боже вамъ всякаго здоровья и долголѣтія, безъ малаго два дня. Я новую шину тогда поставилъ на переднее колесо вашей кибитки!

— А! сказалъ тотъ же запорожецъ: — то тотъ самый кузнецъ, который малюетъ важно. Здорово, землякъ! зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

— А такъ, захотѣлось поглядѣть, говорить...

— Чтò-жъ, землякъ, сказалъ, пріосанясь, запорожець, и желая, показать, что онъ можетъ говорить и по-русски: — што, балшой городъ?

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ, притомъ же, какъ имѣли случай видѣть выше сего, онъ зналъ и самъ грамотный языкъ. — Губернія знатная! отвѣчалъ онъ равнодушно, — нечего сказать, дома балшущіе, картины висятъ скрозь важныя. Многіе дома исписаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція!

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе, очень для него выгодное.

— Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше: теперь же мы ѣдемъ сейчасъ къ царицѣ.

— Къ царицѣ? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня съ собою!

— Тебя? произнесъ запорожець съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехлѣтнему своему воспитаннику, который проситъ посадить его на настоящую, на большую лошадь. — Чтò ты будешь тамъ дѣлать? Нѣтъ, не можно. — При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина. — Мы, братъ, будемъ съ царицею толковать про свое.

— Возьмите! настаивалъ кузнецъ. — Проси! шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману.

Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ другой запорожець проговорилъ: — Возьмемъ его, въ самомъ дѣлѣ, братцы!

— Пожалуй, возьмемъ! произнесли другіе.

— Надѣвай же платье такое, какъ мы.

Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась и вошедшій съ позументами человекъ сказалъ, что пора ѣхать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда онъ по-
несся въ огромной каретѣ, качаясь на рессорахъ,
когда съ обѣихъ сторонъ мимо него бѣжали назадъ
четырёхъ-этажные дома, и мостовая, гремя, казалось,
сама катилась подъ ноги лошадямъ.

«Боже ты мой, какой свѣтъ!» думалъ про себя
кузнецъ: «у насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло».

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы
вошли, вступили въ великолѣпныя сѣни и начали
подыматься на блистательно освѣщенную лѣстницу.

«Что за лѣстница!» шепталъ про себя кузнецъ: —
«жалъ ногами топтать. Экія украшенія! Вотъ, гово-
рятъ, лгутъ сказки! кой чортъ лгутъ! Боже ты мой,
что за перила! какая работа! тутъ одного желѣза
рублей на пятьдесятъ пошло!»

Уже взобравшись на лѣстницу, запорожцы прошли
первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опа-
саясь на каждомъ шагу поскользнуться на паркетѣ.
Прошли три залы, кузнецъ все еще не переставалъ
удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно
подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была
Пречистая Дѣва съ младенцемъ на рукахъ.

«Что за картина! что за чудная живопись!» раз-
суждалъ онъ: «вотъ, кажется, говоритъ! кажется,
живая! А Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣ-
хається, бѣдное! а краски! Боже ты мой, какія краски!
тутъ вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все
яръ, да баканъ; а голубая такъ и горитъ! Важная
работа! Должно быть грунтъ наведенъ былъ блей-
васомъ. Сколь однакожь ни удивительны сіи мале-
ванія, но эта мѣдная ручка», продолжалъ онъ, под-
ходя къ двери и щупая замокъ: «еще бѣльшаго
достойна удивленія. Экъ какая чистая выдѣлка! Это
все, я думаю, нѣмецкіе кузнецы, за самыя дорогія
цѣны, дѣлали...»

Можетъ быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если бы лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобъ онъ не отставалъ отъ другихъ. Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ вѣрно имъ было дожидаться. Въ залѣ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу.

Минуту спустя, вошелъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человекъ въ гетманскомъ мундирѣ и желтыхъ сапожкахъ. Волосы на немъ были растрепаны, одинъ глазъ немного кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спесиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ летѣть выполнять его. Но гетманъ не обратилъ даже вниманія на все это, едва кивнулъ головой и подошелъ къ запорожцамъ.

Запорожцы всѣ отвѣсили поклонъ въ ноги.

— Всѣ ли вы здѣсь? спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ носъ.

— *Та вси, батько!* отвѣчали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!

— Нѣтъ, батько, не позабудемъ.

— Это царь? спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ.

— Куда тебѣ царь! Это самъ Потемкинъ, — отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнатѣ слышались голоса, и кузнецъ не зналъ, куда дѣть свои глаза отъ множества вошедшихъ дамъ, въ атласныхъ платьяхъ, съ длин-

ными хвостами, и придворныхъ въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и съ пучками назади. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего.

Запорожцы вдругъ всѣ пали на землю и закричали въ одинъ голосъ: «Помилуй, мамо, помилуй!»

Кузнецъ, не видя ничего, растянулся и самъ, со всѣмъ усердіемъ, на полу.

— Встаньте! прозвучалъ надъ ними повелительный и вмѣстѣ пріятный голосъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали запорожцевъ.

— Не встанемъ, мамо! не встанемъ! умремъ, а не встанемъ! кричали запорожцы.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ подошелъ самъ и повелительно шепнулъ одному изъ запорожцевъ. Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшого роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно-улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

— Свѣтлѣйшій обѣщалъ меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до сихъ поръ еще не видала, — говорила дама съ голубыми глазами, рассматривая съ любопытствомъ запорожцевъ: — хорошо ли васъ здѣсь содержатъ? продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасибі, мамо!* Провіантъ дають хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что у насъ на Запорожьи, — почему жъ не жить какъ-нибудь?...

Потемкинъ поморщился, видя, что запорожцы говорятъ совершенно не то, чему онъ ихъ училъ...

Одинъ изъ запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ: — Помилуй, мамо! чѣмъ тебя твой вѣрный

народъ прогнѣвалъ? Развѣ держали мы руку поганого татарина; развѣ соглашались въ чемъ-либо съ турчиномъ; развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ? За что жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры*; теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? Тѣмъ ли, что перевело твою армію черезъ Перекопъ и помогло твоимъ ена-раламъ порубать крымцевъ?...

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои брильянты, которыми были унижены его руки.

— Чего же хотите вы? заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

«Теперь пора! царица спрашиваетъ, чего хотите?» сказалъ самъ себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевика, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, что ни одинъ швецъ *) ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ, не сумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что если бы моя жинка надѣла такіе черевика!

Государыня засмѣялась. Придворные засмѣялись тоже. Потемкинъ хмурился и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

— Встань! сказала ласково государыня. Если тебѣ такъ хочется имѣть такіе башмаки, то это не трудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самые

*) Сапожникъ.

дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ вамъ, продолжала государыня, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ къ числу придворныхъ, — предметъ, достойный остроумнаго пера вашего!

— Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, Лафонтенъ! отвѣчалъ, поклонясь, господинъ съ перламутровыми пуговицами.

— По чести скажу вамъ: я до сихъ поръ безъ памяти отъ вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однакожъ, — продолжала государыня, обращаясь снова къ запорожцамъ, — я слышала, что на Сѣчи у васъ никогда не женятся.

— *Якъ же, мамо!* вѣдь человѣку, сама знаешь, безъ жинки нельзя жить, — отвѣчалъ тотъ самый запорожецъ, который разговаривалъ съ кузнецомъ, и кузнецъ удивился, слыша, что этотъ запорожецъ, зная такъ хорошо грамотный языкъ, говоритъ съ царицей, какъ будто нарочно, самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчіемъ.

«Хитрый народъ!» подумалъ онъ самъ себѣ: «вѣрно, не даромъ онъ это дѣлаетъ».

— Мы не чернецы, продолжалъ запорожецъ, — а люди грѣшныя. Падки, какъ и все честное христіанство, до скоромнаго. Есть у насъ не мало такихъ, которые имѣютъ женъ, только не живутъ съ ними на Сѣчи. Есть такіе, что имѣютъ женъ въ Польшѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ въ Украинѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ и въ Турещинѣ.

Въ это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшеніе! вскрикнулъ

— "Dare ich nicht, die Hand zu heben!" —

онъ радостно, ухвативъ башмаки: — ваше царское величество! что жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ, чайтельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ковзаться* *), какія жъ должны быть самыя ножки? Думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахару.

Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьѣ могъ почестся красавцемъ, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ да сало, и тому подобное; но почувствовавъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока, рѣшился замолчать, и, когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала разспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Сѣчи, какіе обычаи водятся, онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: «Выноси меня отсюда поскорѣе!» и вдругъ очутился за шлагбаумомъ.

— Утонулъ! ей Богу, утонулъ! вотъ, чтобы я не сошла съ этого мѣста, если не утонулъ! лепетала толстая ткачиха, стоя въ кучѣ диканькихъ бабъ, посреди улицы.

— Что жъ, развѣ я лгунья какая? развѣ я у кого-нибудь корову украла? развѣ я сглазила кого, что ко мнѣ не имѣютъ вѣры? кричала баба въ казацкой свиткѣ, съ фіолетовымъ носомъ, размахивая руками; — вотъ, чтобы мнѣ воды не захотѣлось пить,

*) Кататься по льду.

если старая Переперчиха не видала собственными глазами, какъ повѣсился кузнецъ!

— Кузнецъ повѣсился? Вотъ тебѣ на! сказалъ голова, выйдя отъ Чуба, остановился и протѣсился ближе къ разговаривавшимъ.

— Скажи лучше, чтобы тебѣ водки не захотѣлось пить, старая пьяница! отвѣчала ткачиха, — нужно быть такой сумасшедшей, какъ ты, чтобы повѣситься! Онъ утонулъ! утонулъ въ проруби. Это я такъ знаю, какъ то, что ты была сейчасъ у шинкарки.

— Срамница! вишь, чѣмъ стала попрекать? гнѣвно возразила баба съ фіолетовымъ носомъ. — Молчала бы, негодница! Развѣ я не знаю, что къ тебѣ дьякъ ходитъ каждый вечеръ.

Ткачиха вспыхнула.

— Что дьякъ? къ кому дьякъ? что ты врешь?

— Дьякъ? пропѣла, тѣсняясь къ ссорившимся, дьячиха, въ тулупѣ изъ заячьего мѣха, крытомъ синею китайкой: — я дамъ знать дьяка! Кто это говоритъ — дьякъ?

— А вотъ къ кому ходитъ дьякъ! сказала баба съ фіолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху.

— Такъ это ты, сука, — сказала дьячиха, подступая къ ткачихѣ, — такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зельемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ?

— Отвяжись отъ меня, сатана! говорила, пятясь, ткачиха.

— Вишь, проклятая вѣдьма, чтобъ ты не дождалась дѣтей своихъ видѣть, негодная! Тьфу! тутъ дьячиха плюнула прямо въ глаза ткачихѣ.

Ткачиха хотѣла сдѣлать то же, но, вмѣсто того, плюнула въ небритую бороду головѣ, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ.

— А, скверная баба! закричалъ голова, обтирая полою лицо и поднявши кнутъ. Это движеніе заставило всѣхъ разойтись, съ ругательствами, въ разныя стороны. «Экая мерзость!» повторялъ голова, продолжая обтираться. «Такъ кузнецъ утонулъ! Боже ты мой, а какой важный живописецъ былъ! Какіе ножи крѣпкіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Что за сила была! Да, продолжалъ онъ, задумавшись, — такихъ людей мало у насъ на селѣ. То-то я, еще сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, замѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ. Вотъ тебѣ и кузнецъ! былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!...» и, будучи полонъ такихъ христіанскихъ мыслей, голова тихо побрелъ въ свою хату.

Оксана смутилась, когда до нея дошли такія вѣсти; она мало вѣрила глазамъ Перепѣрчихи и толкамъ бабъ: она знала, что кузнецъ довольно набоженъ, чтобы рѣшиться погубить свою душу. Но что, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, ушелъ съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ село? А врядъ ли и въ другомъ мѣстѣ найдется такой молодецъ, какъ кузнецъ. Онъ же такъ любилъ ее! Онъ долѣе всѣхъ выносилъ ея капризы! Красавица всю ночь подъ своимъ одѣяломъ поворачивалась съ праваго бока на лѣвый, съ лѣваго на правый, и не могла заснуть. То, разметавшись въ обворожительной наготѣ, которую ночной мракъ скрывалъ даже отъ нея самой, она почти вслухъ бранила себя, то пріутихнувъ, рѣшалась ни о чемъ не думать — и все думала, и вся горѣла, и къ утру влюбилась по уши въ кузнеца.

Чубъ не изъявилъ ни радости, ни печали объ участи Вакулы. Его мысли заняты были однимъ: онъ никакъ не могъ позабыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до свѣта была полна народа. Пожилыя женщины, въ бѣлыхъ намиткахъ, въ бѣлыхъ суконныхъ свиткахъ, набожно крестились у самаго входа церковнаго. Дворянки, въ зеленыхъ и желтыхъ кофтахъ, а иныя даже въ синихъ кунтушахъ съ золотыми назади усами, стояли впереди ихъ. Дивчата, у которыхъ на головахъ намотана была цѣлая лавка лентъ, а на шеѣ монистъ, крестовъ и дукатовъ, старались пробраться еще ближе къ иконостасу. Но впереди всѣхъ стояли дворяне и простые мужики съ усами, съ чубами, съ толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, всѣ большею частію въ кобенякахъ, изъ-подъ которыхъ выказывалась бѣлая, а у иныхъ и синяя свитка. На всѣхъ лицахъ, куда ни взглянь, виденъ былъ праздникъ. Голова облизывался, воображая, какъ онъ разговѣется колбасою; дивчата помышляли о томъ, какъ онъ будутъ *ковзаться съ хлопцами**) на льду; старухи усерднѣе, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, какъ казакъ Свербигузъ клалъ поклоны.

Одна только Оксана стояла какъ будто не своя: молилась и не молилась. На сердцѣ у нея столпилось столько разныхъ чувствъ, одно другого досаднѣе, одно другого печальнѣе, что лицо ея выражало одно только сильное смущеніе; слезы дрожали на глазахъ. Дивчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною былъ кузнецъ.

Однакожь не одна Оксана была занята кузнецомъ. Всѣ міряне замѣтили, что праздникъ — какъ будто не праздникъ; что какъ будто все чего-то недостаетъ. Какъ на бѣду, дьякъ, послѣ путешествія въ мѣшкѣ, охрипъ и дребезжалъ едва слышнымъ голосомъ; прав-

*) Мальчикъ, парень.

да, прїѣзжій пѣвчій славно бралъ баса, но куда бы лучше, если бъ и кузнецъ былъ, который всегда, бывало, какъ только пѣли «Отче нашъ» или «Иже херувимы», всходилъ на крылосъ и выводилъ оттуда тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какимъ поютъ и въ Полтавѣ. Къ тому же онъ одинъ исправлялъ должность церковнаго ктитора. Уже отошла заутрени; послѣ заутрени отошла обѣдня... куда жъ это, въ самомъ дѣлѣ, запропастился кузнецъ!

Еще быстрѣе въ остальное время ночи неся чортъ съ кузнецомъ назадъ, и мигомъ очутился Вакула подлѣ своей хаты. Въ это время пропѣлъ пѣтухъ.

— Куда? закричалъ кузнецъ, — ухвата за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта: — постой, пріятель, еще не все: я еще не поблагодарилъ тебя.

Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только-что выпарилъ засѣдатель. Итакъ, вмѣсто того, чтобы провестъ, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ.

Послѣ сего Вакула вошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онъ испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко! «Я проспалъ заутреню и обѣдню!»

Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, разсуждая, что это, вѣрно, Богъ нарочно, въ нака-

заніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ сонъ, который не далъ даже ему побывать въ такой торжественный праздникъ въ церкви. Но однажѣ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу, и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ онъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась.

Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся какъ можно лучше, надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку изъ рѣшетиловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ ее еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкою въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться: тому ли, что кузнецъ воскресъ, тому ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему прійти, или тому, что онъ нарядился такимъ щеголемъ и запорожцемъ. Но еще больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ предъ нимъ новехонькую шапку и поясъ, какого не видано было на селѣ, а самъ повалился ему въ ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ: — Помилуй, батько! не гнѣвись! вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ, отдаюсь самъ, во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только! Ты жъ когда-то братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и мого-рычъ пили.

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который никому на селѣ въ усь не дулъ,

стибалъ въ рукѣ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ у ногъ его. Чтобъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ нагайку и ударилъ его три раза по спинѣ. — Ну, будетъ съ тебя, вставай! старыхъ людей всегда слушай! Забудемъ все, что было межъ нами! Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чубъ немного подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ: шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей; вспомнилъ о вѣроломной Солохѣ и сказалъ рѣшительно: — *Добре!* присылай сватовъ!

— Ай! вскрикнула Оксана, переступивъ черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостію въ него очи.

— Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевики! сказалъ Вакула: — тѣ самые, что носить царица.

— Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ! говорила она, махая руками и не сводя съ него очей: — я и безъ черевиковъ... далѣе она не договорила и покраснѣла.

Кузнецъ подошелъ ближе, взялъ ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она такъ чудно хороша. Восхищенный кузнецъ тихо поцѣловалъ ее, и лицо ея пуще загорѣлось, и она стала еще лучше.

Проѣзжалъ черезъ Диканьку блаженной памяти архіерей, хвалилъ мѣсто, на которомъ стоитъ село и, проѣзжая по улицѣ, остановился передъ новою хатою.

— А чья это такая размалеванная хата? спросилъ преосвященный у стоявшей близъ дверей красивой женщины съ дитятей на рукахъ.

— Кузнеца Вакулы! сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! славная работа! сказалъ преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна всѣ были обведены кругомъ красною краскою; на дверяхъ же вездѣ были казаки на лошадяхъ, съ трубками въ зубахъ.

Но еще больше похвалилъ преосвященный Вакулу, когда узналъ, что онъ выдержалъ церковное покаяніе и выкрасилъ даромъ весь лѣвый крылосъ зеленою краскою съ красными цвѣтами.

Это, однакъ, не все: на стѣнѣ съ боку, какъ войдешь въ церковь, намалевалъ Вакула чорта въ аду, такого гадкаго, что всѣ плевали, когда проходили мимо; а бабы, какъ только расплакивалось у нихъ на рукахъ дитя, подносили его къ картинѣ и говорили: *«онъ бачъ*»), яка така намалевана!»* и дитя, удерживая слезѣнки, косилось на картину и жалось къ груди своей матери.

*) Смотри.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ,

ВЪ МОСКВѢ,

на Мясницкой, противъ Златоустинскаго пер., домъ Обидиной,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ:

1. Носъ	10 коп.
2. Вій	20 „
3. Сорочинская ярмарка	15 „
4. Шинель	15 „
5. Пропавшая грамота	10 „
6. Женитьба, соверш. невѣроятное событіе	20 „
7. Коляска	10 „
8. Тарась Бульба	20 „
9. Страшная месть	20 „
10. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала	10 „
11. Заколдованное мѣсто	10 „
12. Майская ночь, или утопленица	15 „